

"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"

№2 2009 год

модели национальной культуры

Щукин Василий Георгиевич, доктор филологических наук, литературовед и культуролог, профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша), зав. кафедрой истории русской литературы, Средневековья и Нового времени.
e-mail: wszczukin@yandex.ru

Московские литературные урочища: Симоново, Девичье поле (из цикла лекций по мифопоэтике Москвы) - часть 2 (начало в №1, 2009)

Марьиная роща

О Марьиной роще написано немало, но это урочище всё же в большей степени вписалось не в «высокую», элитарную литературу, а в городской фольклор. Эта достаточно далекая от центра северная окраина Москвы, ощущаемая как загород на протяжении всего XIX века. В Семик (седьмой четверг по Пасхе – перед Троицыным днем) в Марьиной роще происходили народные гулянья, особенно популярные во второй половине XVIII и в начале XIX столетия – гулянья достаточно буйные, по-карнавалному, по-язычески веселые и тем самым отличавшиеся от более благопристойных Подновинских гуляний, которые ежегодно устраивались в районе Смоленского рынка и на Новинском бульваре (6, 33). Но в памяти гулявших там москвичей сохранились и другие, более древние воспоминания. Окрестности Марьиной рощи были настоящим *locus mortis* средневековой русской столицы. Уже начиная с XV века на южной окраине урочища, совсем недалеко от того места, на Божедомке, где в 1821 году родился Достоевский, находился Убогий или Божий дом, иначе называемый скудельницей. Это было место для погребения людей «скудных» или «убогих» – людей неведомых (нищих, сношавшихся с нечистой силой, безвестных инородцев, странников), а также умерших прежде срока – убитых или самоубийц. В древности, как указывает в своей истории Карамзин, трупы сбрасывали в ямник – нечто вроде большой ямы с водой на дне, прикрывали рогожей, а благочестивые люди «в четверток перед Троицей» (то есть в Семик) приходили рыть могилы для убогих и петь по ним панихиды (6, 28–30).

В XVIII веке и позднее, когда на Божедомке жила семья Достоевских, Семик по-прежнему был днем поминовения и погребения «в скудельницах лежащих братьев наших». Из Высокопетровского монастыря шел крестный ход, москвичи шли вдоль Неглинки со свечами, саванами, несли для поминовения кутью, драчены, печеные яйца и вино. Тела усопших одевали в саваны и погребали, а затем мыли в реке руки и начинался разгульный праздник, с обязательной березкой в разноцветных лоскутках, с попойками, непристойными шутками, песнями и танцами (6, 31–32). Насколько же пронизателен был М.М. Бахтин, впервые указавший на органическую связь стихии смерти и стихии жизни в народной карнавальной культуре и усмотревший карнавальное начало, имплицитно присутствующее в творчестве Достоевского!

Район Марьиной рощи не отличался особой красотой ландшафта, зато всегда воспринимался москвичами как место «вне города». Сам топоним, который звучал совсем не по-городскому, а «по-народному» – Марьиная и «по-природному» – роща, воспринимался как нечто странное, экзотическое. Еще совсем недавно, лет сорок–пятьдесят назад, даже сами ее жители (могу сослаться на слова моего университетского учителя Владимира Николаевича Турбина, долгие годы жившего в тех местах) воспринимали ее как район, расположенный на отшибе, «у черта на куличках», хотя от центра до Марьиной рощи не дальше, а гораздо ближе, чем, например, до «цивилизованного» Измайлова (см. Примечание 1). Другое распространенное мнение о Марьиной роще в XX веке – это репутация района неблагоустроенного и «плохого», в котором живет подозрительная публика: воры, бандиты, хулиганы. Вернемся, однако, в начало XIX века. В 1809 году В.А. Жуковский пишет повесть «Марьиная роща» в подражание «Бедной Лизе», пытаясь тем самым превратить это место смерти без погребения и веселья без удержу в настоящее литературное урочище, подобное Симонову. Получилось ли это? На какое-то время да: сентиментальное московское купечество и мещанство, а также небогатое личное дворянство, в том числе семья Достоевских, в которой «слезно-сострадательная» культура была в большом почете (ср. 3, 464), воспринимали «Марьину рощу» как милую сердцу поэтизацию знакомого

подмосковного уголка – еще одного легендарного места несчастной любви. И всё же если «Бедной Лизе» суждено было стать важной, неотъемлемой страницей не только истории отечественной литературы, но и русского национального сознания (в конце XX века появляется не только постмодернистский спектакль, но и мультфильм по мотивам этой повести), то «Марьино роццо» столь громкого успеха не имела. Недолгим оказался также успех одноактной патриотической оперы «Сёмик» (1815), игранной по случаю победы над Наполеоном, или музыкального спектакля по пьесе С.И. Давыдова «Сёмик, или Гулянье в Марьино роццо» (1815) в театре на Знаменке. Повесть Жуковского вдохновила было М.И. Глинку на создание «русской» оперы, но, как оказалось, «слов», то есть либретто не было (6, 35).

Ко второй трети XIX века литературная мода на Марьино роццо стала достоянием прошлого. Образ этого урочища, не сентиментальный, а скорее «готический», связанный с темой Убогого дома и погребения неприкаянных мертвецов, перекочевал в низовую беллетристику. История скудельницы звучит в рассказах В.М. Котельницкого, который пересказывал материалы, собранные историком И.М. Снегиревым. А в 1834 году в Москве была анонимно напечатана историческая повесть «Танька, разбойница ростокинская...»; одна из ее глав, посвященная Убогому дому, называлась «Столица гробов вблизи» (6, 32).

Русская классическая литература косвенным образом запечатлела в своей истории другое обстоятельство, связанное с окрестностями московского «мертвого дома»: там пришел на свет и вырос Федор Михайлович Достоевский. Образов конкретных уголков Москвы в творчестве великого романиста почти нет. Единственным исключением является роман «Подросток», главный герой которого вспоминает «пансионшко Тушара», то есть Сушарда (Н.И. Драшусова) на Селезневке (опять «воровская» улица!), и свою мать, которая крестилась на Красную церковь напротив – то есть на церковь Николы в Новой Дмитровской слободе, существующую и поныне. И, кажется, никто еще не обратил внимание на то обстоятельство, что большая улица, ведущая к этому месту от Садового кольца и являющаяся продолжением Большой и Малой Дмитровки, называется Долгоруковская. По случайному стечению обстоятельств (См. Примечание 2) Аркадий и Макар Долгорукие носят фамилию, связанную с московским урочищем, которое по праву может считаться «достоевским».

Окрестности Страстной площади

В первой трети XIX века Страстная площадь и ее окрестности были одним из самых оживленных центров той особенной жизни, которую вела в то время московская аристократия и которую так замечательно описал Михаил Гершензон в книге «Грибоедовская Москва» (1914). Отсюда, с вершины Тверского холма уже был виден Кремль – этот корень и древнее, «вечное» ядро русской столицы. Здесь был расположен Московский английский клуб – единственное в тогдашней России (за исключением частных домов) неофициальное светское учреждение, устроенное для свободного общения благородного сословия (См. Примечание 3). Здесь начинался самый, как тогда считалось, красивый и благоустроенный бульвар – Тверской, и у москвичей побогаче и познатнее считалось признаком хорошего тона прогуливаться по нему в погожий день. И дом генерала-губернатора, и салон Зинаиды Волконской, и дом вельможи Ивана Яковлева, в котором родился и провел свои детские годы Александр Герцен, и дом Александра Осташевского с роскошным садом, украшенным гротами, каскадами и величественными скульптурами – всё это находилось неподалеку отсюда, на Тверской улице или на Тверском бульваре. В начале Страстного бульвара, напротив монастыря (в доме № 6), в начале XIX века жил поэт Иван Дмитриев. Позднее там поселился Дмитрий Свербеев, содержавший знаменитый литературный салон, в котором в 1940 году встречались Гоголь и Лермонтов и в котором чуть позднее происходили словесные баталии западников и славянофилов. А на противоположной стороне бульвара стоял дом вдовы камергера Марии Ивановны Римской-Корсаковой (№ 3), у которой подолгу жил А.С. Грибоедов, описавший собиравшееся в этом доме общество – весьма специфическое, единственное в своем роде, так называемую «грибоедовскую Москву». Воспоминания о ней долгое время хранила русская литература в лице Пушкина, П.А. Вяземского, А.И. Герцена и в первую очередь Льва Толстого как автора «Войны и мира» (2, 62–106). Москвичи, совершая акт логического упрощения, называли это здание домом Фамусова, хотя наиболее вероятный прототип грибоедовского героя в нем никогда не жил, а только бывал. В конце тридцатых годов его снесли, а еще раньше, в 1927 году, рядом с ним по проекту Г. Бархина построили издательский комбинат «Известия» – один из шедевров русского конструктивизма. Это урочище обрело новую жизнь в бурные годы революции, гражданской войны и раннего нэпа. Здесь, в длинном двухэтажном доме между Тверским бульваром и Большой Бронной, находилось знаменитое кафе «Стойло Пегаса», где собирались футуристы, имажинисты и ничевоки, где гремел Маяковский и дебоширил Есенин. Однако трудно сказать, думали ли они, что находятся в старом литературном урочище, в известном смысле родине «Горя от ума», «Евгения Онегина» и

«Войны и мира». В тридцатые годы кафе закрыли, устроили там пивную, а при Хрущеве – вполне «трезвое» и совершенно безликое кафе «Молочное». В начале семидесятых снесли длинный дом с кафе, а на его месте остался только травяной газон. На стене сохранившегося дома, первого по правой стороне Тверского бульвара, долгое время качался огромный маятник устроенных там электрических часов, напоминавший о неумолимом течении времени и древней поговорке – «кануть в Лету»...

И всё-таки это место сохранило органическую связь с живой историей отечественной литературы. Вокруг Страстной (Пушкинской) площади, неизменно ассоциировавшейся с Пушкиным и с комбинатом «Известия», появилось несколько важных редакций газет и журналов – «Московские новости», «Новое время», «Вопросы истории». Справа за выстроенном на месте Страстного монастыря кинотеатра «Россия» (ныне «Пушкинский») примостилось Агентство печати «Новости». Но самым важным оказался адрес редакции журнала «Новый мир» – Малый Путинковский переулок, дом 1/2. Здесь в шестидесятые годы прошлого века работали Александр Твардовский, Игорь Сац, Владимир Лакшин, сюда Солженицын принес свой рассказ «Один день Ивана Денисовича», которому суждено было сыграть ни с чем не сравнимую роль в формировании общественного мнения и в развитии литературы. В самой же литературе XX века наиболее продуктивным локусом оказался опекушинский памятник Пушкину, стоявший сначала в начале Тверского, а затем Страстного бульвара – место любовных свиданий и деловых встреч (например, в детективных романах), а также многочисленных историко-культурных и поэтических ассоциаций.

Район Маросейки и Покровки

Этот достаточно обширный топос, охватывающий северо-восточный сектор Белого города, между Мясницкой и Соляной. Главной его осью является Маросейка и ее продолжение – Покровка. Но поэзия нашла себе прибежище не на этих улицах, а в прилегавших переулках, которые, причудливо извиваясь, карабкаясь по склонам Сретенского холма и стремительно сбегая к Москва-реке, Яузе или в овраги, где текли когда-то речки Рачка и Черногрязка. Родиной русского поэтического шеллингианства назвал это урочище первый его исследователь – Владимир Топоров (5, 74–75). Даже сейчас, когда первозданные красоты природы, казалось бы, совсем уступили достоинствам современной городской цивилизации, так что никто их уже не замечает, эта местность по-прежнему выглядит исключительно живописно. Затеяливо переплетающиеся переулки со еще сохранившимися в них дворянскими особняками, внезапно открывающиеся виды на город, долины рек и остатки старых садов – всё это по-прежнему действует на воображение. Поэтическое урочище романтиков-шеллингианцев возникло благодаря тому, что их красота по воле судьбы совпала с фактом проживания или регулярного появления в этих местах выдающихся мыслителей и поэтов. «Этот локус возник не на голом месте: он связан с местожительством и местом встреч московских масонов, Новикова, Карамзина, Петрова, Дмитриева, И.П. Тургенева и его сыновей, Пушкиных», – замечает В.Н. Топоров (5, 76). И в самом деле: по некоторым сведениям, до 1782 года масоны собирались в церкви Архангела Гавриила (Меньшиковой башне). Один из них, генерал Иван Юшков, жил в великолепном дворце на углу Мясницкой и Юшкова переулка, построенном по проекту Василия Баженова. Масонский идеализм, строгость и напряженность нравственно-религиозного поиска передались и следующему поколению дворянской интеллигенции. Дочерью одного из Юшковых, тульского помещика, была мать братьев Киреевских, Авдотья Петровна, во втором браке Елагина. Именно второй муж А.П. Юшковой – Алексей Андреевич Елагин познакомился с философией Шеллинга благодаря участию в заграничном походе 1812–1814 годов. Их дом и известный литературный салон, где в сороковые годы XIX века собирались Чаадаев (еще один выдающийся шеллингианец), западники и славянофилы (в том числе братья Киреевские), находился за версту от описываемых мест, в конце Мясницкой, у Красных ворот. Чаадаев же жил чуть дальше на восток, на Новой Басманной. В.Н. Топоров считает, что «ядром» этого урочища были два дома – городская усадьба Тютчевых, находившаяся на пересечении Армянского и Кривоколенного переулков (См. Примечание 4), и двухэтажный домик Дмитрия Веневитинова в двух шагах от Тютчевых, на «кривом колене», у слияния переулка с Мясницкой улицей (5, 75). Последний из упомянутых домов в самом деле является особо знаменательным локусом, но не потому что Пушкин читал в нем «Бориса Годунова» в начале 1827 года (об этом событии напоминает мемориальная доска), а потому что за четыре года до этого выдающегося события в нем собирались шеллингианцы – члены Общества Любомудров (См. Примечание 5). Но ведь многие из Любомудров – это чопорные «архивны юноши» из седьмой главы «Евгения Онегина», а архив Коллегии иностранных дел, в котором служили, находился на восточном конце того же самого «Маросейско-Покровского» урочища, в необыкновенно живописном месте – тоже на кривом колене, но уже Хохловского переулка (дом № 7), в его южной, нижней части, неподалеку от Ивановского монастыря, где в конце XVIII века в железной клетке сидела Салтычиха... Служить в архиве предпочитали те юноши, которых не

привлекали ни суровая армейская служба и связанный с нею рыцарский кодекс чести, ни скучная карьера чиновника. И действительно, любознательны были людьми совершенно иного склада, чем их современники-декабристы – задумчивые, углублявшиеся в тайны природы и собственной души романтики не французского, а немецкого склада. И потому стоило бы считать Хохловский переулок вторым «ядром» этого замечательного урочища, тем более, что старинные палаты XVII века, в котором располагался не менее древний архив, во второй половине XIX века стали местом, где впервые увидели свет партитуры первого концерта для фортепьяно с оркестром Чайковского, «Лебединого озера» и «Щелкунчика». Там находилась типография Юргенсона, в которой печатались ноты.

Этот замечательный и достаточно обширный район Москвы не стал источником поэтических образов и ни разу не был описан в художественной литературе того времени. Что могло быть причиной этого кажущегося парадокса? На мой взгляд, одной из вероятных причин был отчетливо городской характер этого места, – последнее в еще большей степени относится к району Страстной площади, который также долгое время не становился «героем» художественных произведений. Несмотря на причудливый лабиринт переулков, крутые обрывы, живописные виды на город и низкую застройку (дворянские особняки были одно- или двухэтажными) Мясницкая, Маросейка и Солянка на всей протяженности оказались в черте города уже в XVI веке, а в эпоху романтизма города только-только еще начинали восприниматься как источники поэтического вдохновения. Городом грядущего «железного века» становился, по мнению романтиков, Петербург, Москва же противостояла ему как город «органический», выросший в живую ткань природы и в историческую традицию. Но особенно поэтичными, согласно традициям сентиментализма и ранних стадий романтизма казались сельские окрестности больших городов. Район Симонова монастыря или Марьино роща больше значили для чувства поэта, нежели старинные палаты близ Старых садов, где собирались вдохновенные почитатели Шеллинга.

Лефортово

Эта тоже некогда загородная местность, расположенная по обоим берегам Яузы (См. Примечание 6), получила репутацию места опасного, связанного с нечистой силой. В литературе эпохи романтизма этот миф нашел яркое отражение в великолепной повести Антония Погорельского «Лафертовская Маковница» (1825), которой восхищался Пушкин, а ровно столетие спустя в не менее замечательной «гофманианской» повести Александра Чаянова, озаглавленной весьма витиевато – «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, записанные по семейным преданиям московским ботаником Х» (1924). Благородные герои обеих повестей сталкиваются с враждебными действиями нечистой силы, которая пытается запутать их, вовлечь в пространственно-временной лабиринт, «кружить по сторонам», но в конце концов добро всё же побеждает. Инфернальная (то есть «адская», бесовская) репутация Лефортова, по всей вероятности, была связана с памятью о связях этого топоса с немецкой, а следовательно, с «не нашей», нечистой стихией, в особенности с деятельностью «чернокнижника» Брюса, это воистину московского Фауста. Чаянов, который был большим знатоком старой Москвы (4, 8–10), прямо указывает на то обстоятельство, что нечистая сила заинтересовалась его героем, графом Бутурлиным, с того момента, когда тот начал встречаться с Брюсом. К тому же район Лефортова и Горохового поля с окрестностями был тесно связан с жизнью и деятельностью московских мартинистов, а в его границах располагалось несколько масонских локусов. Позволю себе, однако, ограничиться этим скудными сведениями и отослать читателей к соответствующей работе Т.В. Цивьян, весьма содержательной, воплотившей в себе лучшие традиции структурно-семиотического литературоведения. и посвященной Лефортову с его «чертовщиной» (7, 72–91).

Литература:

1. Галаган Г.Я. [Примечания] // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 17. Л.: Наука, 1976. С. 256–321.
2. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М.: Московский рабочий, 1989.
3. Долинин А.С. (1928). [Примечания] // Достоевский Ф.М. Письма. Т. I / Под ред. А.С. Долинина. Л.: М.: ГИЗ–«Academia»–Гослитиздат. 593 с.
4. Муравьев В.Б. Творец московской гофманиады // Чаянов А.В. Венецианское зеркало: Повести. М., 1989. С. 5–23.
5. Топоров В.Н. Бытовой контекст русского поэтического шеллингианства (истоки) // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 73–78.
6. Федоров Г.А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX

века / Предисл. С.Г. Бочарова и В.Н. Топорова. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Цивьян Т.В. «Рассказали страшное, дали точный адрес...» (к мифологической топографии Москвы) // Лотмановский сборник. Т. 2 / Сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 599–614.

Примечания

1. Интересная деталь: метро в Измайлово, далекое, но «сталинское» (из-за проектируемого Стадиона им. И.В. Сталина) провели еще во время войны, в 1943–1944 годах, в то время как станцию «Достоевская» и станцию «Марьино», пока что конечную, должны открыть в 2009 году.
2. Долгоруковская улица получила свое название в 1877 году, по случаю двенадцатой годовщины пребывания князя Владимира Андреевича Долгорукова в должности московского генерал-губернатора. Роман «Подросток» был написан на два года раньше, когда улица носила имя Новослободской. О выборе Достоевским княжеской фамилии для героев романа см. Галаган 1976: 309–310.
3. По старой английской традиции женщинам входить в клубы не разрешалось. Это касалось и Московского английского клуба: в нем даже все слуги принадлежали к мужескому полу.
4. Совсем недалеко отсюда, в Сверчковом переулке, жил учитель Тютчева – поэт Сергей Раич.
5. Кстати, собирались они и у князя В.Ф. Одоевского, в Газетном переулке, а это совсем другой, «университетский» локус.
6. Правый берег Яузы – бывший Кукуй или Немецкая слобода вошел в состав Лефортова лишь в начале XIX века.